

Руслан Назаров

Здесь

Философия данности

Руслан Назаров

Здесь. Философия данности

«Издательские решения»

Назаров Р.

Здесь. Философия данности / Р. Назаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834647-7

Книга посвящена философии данности. Основная идея философии данности заключена в словах «действительность — это одно». Эта модель действительности противопоставляется традиционному для философии представлению о действительности, которая имеет основания, причины и следствия. Идея данности содержится в философии Ж.-П. Сартра и Л. Шестова. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-834647-7

© Назаров Р.
© Издательские решения

Содержание

Посвящается моей жене Назаровой-Корсаковой Е. А.	6
Предисловие к первому изданию	7
Предисловие ко второму изданию	9
Часть I. Одиночество	13
Антуан Рокантен: болезнь свободой	13
Учение о данности. Антигуманизм	17
Всеобщая декларация прав человека: опыт антигуманистической критики	19
Одиночество	22
Часть II. Философия Льва Шестова	23
Раздел I. Манифест очевидности	23
Манифест очевидности	23
Первое эссе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Здесь Философия данности

Руслан Назаров

© Руслан Назаров, 2018

ISBN 978-5-4483-4647-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей жене Назаровой-Корсаковой Е. А.

Предисловие к первому изданию

Почему к первому? Потому что я уверен – будет и второе. Философия данности требует еще многочисленных уточнений, новых примеров и разъяснений. Однако я решил выпустить книгу.

Рано или поздно развитие любой идеи достигает такого момента, когда можно сказать, что она «устоялась». Основные положения сформулированы, главные выводы сделаны. После этого речь может идти об улучшении, но не об изменении. Конечно, возможно и такое, что автор откажется от своих прежних идей и заменит их новыми. Но это уже не будет касаться идей первоначальных.

Вот почему я решил опубликовать эту книгу. Философия данности достигла «зрелости», «устоялась».

* * *

Книга составлена, во-первых, из ранее вышедших сборников, а во-вторых, из новых материалов. Деление книги соответствует хронологии выпуска сборников, но не статей.

Моей задачей было показать развитие философии данности. Работать над философией я начал в январе 2007 г. За восемь прошедших лет философия данности претерпела значительные изменения, что и отражено в сборниках (частях).

Первый сборник (первая часть книги) самый обширный. В статьях сборника много цитат из сочинений других философов, и часто эти цитаты переходят из статьи в статью. Я только развивал основы философии данности, поэтому мне необходимо было опираться на философов, которых я считал близкими своим идеям.

В число этих философов входили Сартр и Шестов. Но на этом, первом этапе, большее значение для меня имел именно Шестов. Поэтому изложение философии носит несколько мифологический характер. Я старался описать историю человека в окружающем и еще не так много внимания уделял самому окружающему.

Во втором сборнике (вторая часть книги) заметно, как я отхожу и от длинных цитат, чаще стараясь изложить мысль философа, и от повторов. Терминология философии данности, которая стала складываться к этому времени, плохо ладила с терминологией Сартра и Шестова.

На этом этапе философия Сартра стала для меня более значимой. История человека меня еще интересовала. Однако, разделившись с проблемой разума, я все больше внимания обращал на данность, которую разум скрывает от человека.

В третьем разделе, который состоит из различных статей и материалов, в отдельный сборник не включенных, очень мало цитат. Я уже не стараюсь опереться на изложение философии, какое давал Сартр или Шестов. Терминология философии данности во многом устоялась.

Можно сказать, что на этом этапе «преодоленным» остался и Сартр. Это не означает, что Сартр (или Шестов) оказался не прав. Напротив, как мне кажется, мне удалось очистить его философию от всего ненужного университетского и профессорского хлама. Только так могла появиться философия данности.

* * *

Я не могу сказать, что во всем согласен со своими взглядами первого или второго сборника. Кое-что хотелось бы изменить. Отдельные положения, возможно, могли быть неправильно поняты без таких изменений.

Однако я не стал ничего менять, ограничившись некоторыми стилистическими правками. Конечно, взятое само по себе отдельное положение из конкретной статьи могло бы породить сомнения. Но, если учитывать место этого положения в сборнике, а самого сборника в книге, то все становится на свои места.

Даже ошибки были теми ступеньками, по которым я шел к философии данности. Так зачем же от них отказываться? Ведь в том и состояла моя цель: показать развитие философии данности. Только так, я полагаю, философия данности может быть понята верно.

* * *

Я далек от мысли, что философия данности завершена. Признаюсь, что мне иногда хочется этого. Но опыт последних лет подсказывает, что вряд ли это возможно. Вероятно, я внесу еще не одно уточнение или изменение. Практически неизбежно, что по прошествии года или двух мне захочется изменить что-то в стилистике. Если это действительно будет так, то на свет появится второе издание этой книги.

И все же философия данности вполне способна уже заявить о себе. Да, я публиковал свои статьи, которые помещены в книгу, на сайте «r.f.l. Политика. Философия. Литература»¹. Но это были разрозненные публикации. Понять же философию данности, как я уже говорил, можно только в совокупности всех статей, всех сборников.

* * *

Чему посвящена философия данности? В чем ее нерв? В проблеме возможности «здесь». «Здесь» как таковое вполне может признать и научная философия. Но в чем действительно расходится философия данности и философия научная, так это в ответе, точнее в подходе к указанной проблеме.

Философия научная пытается отыскать основания, подобрать ключ к возможности «здесь». Философия данности полагает, что никакого вопроса и нет. «Здесь» исчерпывается тем, что оно «здесь». Ни о какой возможности или невозможности «здесь» речи и не может быть. Вот, пожалуй, главная мысль философии данности.

* * *

Могу ли я доказать философию данности? Нет. Философия данности это исключительно мое видение окружающего. Поэтому бессмысленно убеждать кого-то. Можно только показать, как я вижу то, что меня окружает. Другой может принять это, а может отвернуться. Я писал в одной из статей, что философия данности не истина и не истина для всех. Вот почему я не считаю необходимым переубеждать.

Шестов писал, что раз человеку есть что сказать о своем отношении к миру, надо дать ему на это право, сколь бы сумасшедшим не казалось остальным то, что он скажет. Только этим я и пользуюсь. Правом сказать.

¹ С августа 2015 г. название сайта изменилось на «Здесь». Адрес сайта levshestov.ru.

Предисловие ко второму изданию «Здесь (философия данности)»

* * *

Издание книги преследует несколько целей. Во-первых, книга отражает развитие философии данности за 10 лет. Отмечая своеобразный юбилей, я бы хотел показать историю философии данности, с чего она начиналась и через что прошла. Во-вторых, движение к философии данности (от ранних работ из сборника *Одиночество* до *Манифеста*) показывает, какой путь надо пройти, чтобы усвоить основные выводы философии. Это не означает, что нет иного пути или что такой путь необходим для понимания. Однако мне пришлось пройти через этот путь, поэтому, возможно, мой опыт будет полезен.

* * *

Философия распадается на три периода. Первый – начальный – был посвящен философии свободы человека. Второй – период философии очевидности – был связан в основном с темой борьбы с разумом. Третий – период философии данности, ставший возможным только после завершения предыдущего, – связан с описанием «здесь». В предлагаемом сборнике представлены работы всех трех периодов.

Первый период

* * *

Первый мой сборник «Одиночество» начинается со статьи о романе Сартра «Тошнота». Именно с этого романа философия данности началась для меня. Поэтому я неоднократно пытался дать анализ этого романа.

Тошнота – это болезнь свободой. «Болезнь свободой есть ощущение круговорота свободы». У вещей нет оснований, они не связаны с другими вещами. Каждую минуту, каждое мгновение ставится вопрос, чем или кем быть той или иной вещи. Если человек осознает это, как сознает Рокантен, то он заболевает свободой. Тошнота лишь симптом этой болезни.

* * *

Философию периода «Одиночества» можно разделить на два больших отдела: данность и антигуманизм. В последующем тема антигуманизма отпала. Однако изначально она была важна потому, что сама философия данности началась с проблемы свободы человека. Но начнем с данности.

Окружающее человека – это мир. И такой мир предстает как данность. В свою очередь данность предстает через образ Разрыва и Одиночества. Такие образы объясняются тем, что мир как данность жестко противопоставляется миру, созданному разумом. В этом последнем случае мир – это Связь и Опыт.

Данность характеризуется свободой. Все вещи находятся в данности. Это значит, что вещи не связаны друг с другом, у них нет оснований, они сами не являются основанием чего-либо. Однако каждая вещь обладает свободой. Для любой вещи свобода означает, что она изымается из данности в поливариантность, где о судьбе вещи ставится вопрос: чем быть такой

вещи. Все время о судьбе вещи ставится вопрос. И каждое мгновение он решается. Но решение это не имеет оснований, причин. Поэтому-то речь идет о свободе.

Но данность можно только указать. Объяснить данность, обосновать ее нельзя. Поэтому лучшее определение данности – «это». Так появляется обобщающее определение данности: «данность есть беспричинность и отсутствие необходимости, есть лишнее и абсурдное».

* * *

В мире, построенном разумом, человек является субъектом. У человека есть право на существование. Каждое его действие обосновано, оно ведет к определенным целям, оно задано определенными обстоятельствами. В таком мире человек ощущает себя спокойно. Ему нечего бояться.

Совсем иначе обстоит дело, если человека выбросить из привычного мира. Если все – лишнее, все – данность, если все – свобода, то жить в таком мире крайне неудобно. Данность лишает человека субъективности, выбивает почву из-под ног. У человека больше нет права на существование. Человек в данности не больше, чем стол или стул. В этом, в лишении человека «субъектности», состоит антигуманизм философии сборника «Одиночество».

Второй период

* * *

Второй период – период философии очевидности.

Суть философии очевидности сводится вот к чему. Есть данность, а есть – мир возможного и невозможного. Данность – это то, с чем человек столкнулся изначально, при своем появлении. Мир возможного и невозможного – изобретение разума. В свою очередь разум разделит данное на части: одно – причина, другое – следствие. Благодаря согласованности (подбирается такое одно, которое может быть причиной другого) и необходимости (одно порождает, делает необходимым другое) разум создает основания. Мир возможного и невозможного – это и есть такое данное, которое держится на основаниях.

Человек должен превзойти мир возможного и невозможного, то есть отбросить основания. В этом состоит задача философии очевидности. Как же это достигается? На пути к очевидности: через удивление к отчаянию.

Удивление означает, что человек ищет оснований, но не может им доверять. Основания не устраивают человека, даже раздражают.

Отчаяние приходит следом за удивлением. Оснований нет, но мир от этого не разрушен. Ведь остается сама данность. Так человек становится «неведающим», а данность предстает как очевидность.

* * *

Представим себе человека, который уверен, что действительность – это мир возможного и невозможного. Такой человек должен верить в основания. И он верит. Но предложим на минутку ему отказаться от оснований. С чем же он останется?

Мир продолжает существовать. Однако оснований нет. То, что было раньше возможным, то есть имеющим основания, теперь невозможно. Но ведь мир никуда не делся! И точно также наоборот: что было невозможным, то теперь может стать возможным, раз нет никаких преград в виде оснований.

Конечно, можно сказать, что такой парадокс как раз и требует оснований. Но дело не в этом. Задача состоит в том, чтобы показать: действительность остается и тогда, когда исчезают основания.

Этот парадокс был важен для философии очевидности. Но выводы из него получили еще большее значение в философии данности, которая тем и занимается, что описывает «здесь» (действительность), то есть такую действительность, в которой указанный парадокс становится возможным.

* * *

Тема страха играет важную роль в философии очевидности. Именно страх заставляет человека подчиняться разуму. Страх перед неизведанным заставляет человека подменять действительность (данность) чем-то вторичным, пройденным через призму разума. Обоснован ли этот страх? Нет. Ведь если нет оснований, то несчастье может произойти с той же степенью вероятности, что и удача. Осознание страха, как мотивации для построения мира возможного и невозможного, позволяет превзойти такой мир.

* * *

Философия очевидности началась с философии Шестова и Сартра. Два этих философа, на первый взгляд совершенно различных, сходились в главном – в отрицании разума, оснований и желании подсмотреть, что это за действительность, лишенная оснований.

Про Сартра стоит сделать следующее замечание. Философия Сартра периода, который начался в 1940-ых, мало похожа на его же философию, изложенную в романе «Тошнота». Основы же философии очевидности лежат именно в романе, а не последующих работах Сартра.

Шестов считается религиозным мыслителем, а Сартр – атеистическим. С этим согласиться нельзя. Шестов использовал религиозные символы, образы, чтобы показать свою позицию. Но это лишь образы. Да, Шестов писал, что «бог есть, значит все возможно». Вырванная из контекста, эта фраза может показаться решающей. Но это не так. Образ бога, который может все, лишь показывает, что такое данность. Так проще было донести до читающей публики свою позицию. Против подобного понимания Шестова, как религиозного мыслителя, я выступал в период философии очевидности.

Столь же неверным я считаю подход к пониманию философии Сартра, изложенной в романе Тошнота. Обычно упор стараются сделать на отношении человека к окружающему. У главного героя романа, Антуана, видят только неустроенность, неуютность существования. Главный же вывод такой: человек сам должен придать смысл окружающему.

Такой подход лишает роман истинного смысла, заложенного в словах «существовать – это значит быть здесь, только и всего». В романе главное не описание чувств и переживаний Рокантена. Главное – это описание того, что окружает Рокантена, того, что он называет «здесь».

* * *

В период разработки философии очевидности, я использовал два метода работы: образы и штрихи. Суть первого метода состоит в том, что наш язык не приспособлен описывать очевидность. Язык слишком зависим от разума, оснований. Поэтому при помощи языка можно передать лишь образ очевидности, философии. Я искал и находил такие образы в сочинениях Шестова, Сартра, Шопенгауэра и многих других. Этими образами наполнены статьи периода философии очевидности. По этой же причине в этих статьях много цитат.

Что же касается штрихов, то смысл в этом такой. Философию нельзя исчерпать и описать. Поэтому надо стремиться к образам. Но раз используются образы, то можно только дать штрихи философии очевидности. Читатель должен самостоятельно достраивать штрихи до цельного образа.

Третий период

* * *

Философия очевидности устранила разум, открыв действительность. После этого надо было описать саму действительность. Что такое действительность, если она не мир возможного и невозможного? Ответ на этот вопрос содержится в философии данности. Философия данности делится на ранний этап и поздний. На раннем этапе данность была представлена через наличность. В этом варианте появляются категории «бытие есть» и «бытие здесь». Данность является только отношением бытие к самому себе как к установленному бытию (отсюда разница между «бытие есть» и «бытие здесь»). Такой подход со временем все меньше меня устраивал. Поэтому, разрабатывая эту тему, я пришел к текущей версии философии данности.

* * *

Пересказывать в предисловии философию данности, наверное, не стоит. Я бы хотел обратить внимание только на финальный вывод: данность – это «здесь» и «здесь» как тотальность. В этом коротком определении скрыта вся философия данности.

* * *

Два основных положения. Одна книга. Десять лет работы. Вот что отражает книга, которую я предлагаю читателю.

* * *

С актуальной редакцией Манифеста философии данности и другими материалами по философии Вы можете ознакомиться на специальном сайте по ссылке <https://philosophyofgivens.com>.

Апрель-август 2016 г.

Часть I. Одиночество

Антуан Рокантен: болезнь свободой

1

Антуан Рокантен взял в руки гальку. «И вдруг замер, выронил камень и ушел». Так ощутил он болезнь. Болезнь свободой. До этого момента Антуан, по выражению Анни, раздражал своей основательностью. Он относился к числу тех, о ком скажет сам позже: «Сто раз на дню они лицезрят доказательства того, что все работает как отлаженный механизм, все подчиняется незыблемым и непреложным законам». Антуан хотел, чтобы мгновения его жизни «следовали друг за другом, выстраиваясь по порядку». Поэтому-то ему так нравится голос Негри-тянки, появление которого «так долго подготавливали многие – многие ноты, которые умерли во имя того, чтобы он родился». Уже пораженный болезнью Антуан будет находить утешение в том, что «пережил этот день для того, чтобы под конец прийти сюда [в кафе], прижаться лбом к этому стеклу и смотреть на это тонкое лицо».

Такова основательность Антуана Рокантена. И это именно то, что ценила в нем любимая Анни. «Ты дорожный столб». Антуан знает – это правда.

2

Предошущение свободы. Болезнь свободой. К свободе всегда стремились, за нее боролись. Но болели ли свободой? Вероятно, что людей, которых мучает эта болезнь не мало. Так что же это?

Болезнь свободой есть ощущение круговорота свободы. Вещи, обычные, ничем не примечательные, простые вещи непрестанно находятся в этом круговороте. Каждое мгновение о судьбе вещи ставится вопрос, и вопрос этот разрешается. И все это происходит незаметно.

Вот стакан. Таких сделано множество. Ну, кто на него обратит внимание? Он исполняет свою функцию, облегчает жизнь человеку, служит ему. Он может иметь разную форму, цвет. Но неизменно в нем то, что он – стакан. Это и главное.

А задумывается ли человек, что в эту самую минуту, когда он берет в руки стакан, стакан этот может стать не стаканом вовсе, а камнем. Или еще больше – оказаться дудочкой? Не задумывается человек, поскольку не ощущает круговорота свободы.

Но если ощущает, то уже болен. И тогда человек не может отделаться от ощущения свободы, от ощущения круговорота. Книга, рядом тетрадь, но для заболевшего это книга, ставшая тетрадью, тетрадь, ставшая книгой. Такова эта болезнь.

3

Круговорот свободы есть следующее: от данности к поливариантности, от поливариантности посредством пустого действия к данности.

Данность есть то, о чем Антуан Рокантен говорит: «существовать – это значит быть здесь, только и всего». Данность не может иметь объяснений, она может быть лишь описана, на нее можно лишь указать. Такие категории как причины и следствия, движение материи, пространство и время неспособны сказать о данности нечто большее, чем может простое описание. Чтобы не происходило в данности, каждая частичка данности не зависит ни от чего предшествующего, ни от чего существующего. Поэтому описание данности может быть лишь указую-

щим, оно возможно только через категорию «это», «этот». Можно представить, как человек указывает на дерево и говорит «это», тем самым, выражая самую большую глубину знаний о данности.

Данность статична, в ней ничего не изменяется, не переходит из одного состояния в другое. Все, что кажется развитием и переходом от одного уровня к другому, от низшего к высшему, от меньшего к большему – все это лишь иллюзии. Так же как категории целостности и системы. В данности есть частички, но они не выделяются из данности, как и не составляют чего-то единого. Под частичкой данности имеется в виду, что такая частичка просто есть. Между ней и другими частичками, частичкой и данностью нет никаких связей, тем более связей подчинения.

Таким образом, данность только лишь это, только «быть здесь». И за таким указанием, за тем, на что указывается, нет ничего более.

Свобода проявляется в данности, образуя круговорот, посредством поливариантности и пустого действия.

Поливариантность есть вопрос о данности, об отношении частички данности к другим частичкам. По-другому, это вопрос о том, что есть частичка данности, что есть данность. Частичка изымается из данности, из системы координат «быть здесь», и становится как вопрос, о том, что она есть, ко всей данности и другим частичкам. Свобода вопрошает о данности у данности, требуя ответа только от данности.

В поливариантности, когда частичка попадает в такое состояние, отсутствуют какие-либо силы и основания. Можно представить поливариантность как безвоздушное пространство, в котором ничего и ничто не сохраняется. Поливариантность это пустота.

Вопрос о данности решает только свобода через пустое действие. В поливариантности, в этом безвоздушном пространстве, нет ничего, что бы обусловило и предопределило ответ. Пустое действие есть выталкивание частички из поливариантности в данность, есть ответ о данности безо всякой «подсказки» – причин, законов, оснований.

Такая свобода есть свобода неограниченная. Свобода обо всем может спросить и может ответить, но она спрашивает о данности и ответ берет из данности. Свобода есть поливариантность и пустое действие, но не надо считать, что свобода решает, как и каким образом быть данности. Свобода не конструирует данность, не соединяет и не разъединяет частички ее. Не нужно понимать и так, что свобода – это изменение данности, что только и именно свобода вносит изменения в данность. Данность может измениться и без проявления свободы, но только свобода есть изменение через вопрошание о том, что есть данность.

Круговорот свободы вносит в данность неустойчивость, постоянную возможность изменений и превращений. И это не может не раздражать человека, его разум, который стремится, если и не прервать круговорот, что и невозможно, то хотя бы узнать, угадать, где и в чем проявляется свобода. Тогда начинается бегство за свободой, но это заведомо безрезультатное занятие. Разум не может, не способен определить, ухватить свободу. И такая невозможность рождает абсурд.

Абсурд есть конечный результат бегства разума в поисках свободы. Абсурд это стремление найти свободу, предощущение свободы, но не возможность найти свободу, не возможность увидеть ее.

Разум знает только два выхода из абсурда. Либо весь мир свободен, везде и всегда проявляется свобода, либо мир несвободен. Середины разуму недостаточно, так как всякая середина есть только абсурд. А абсурдность главный враг разума.

Это и есть болезнь свободой.

«Я должен разобраться в себе пока не поздно». Все началось с безобидной гальки, затем Антуан ощутил нечто новое в своих руках, а в библиотеке не узнал Самоучку. И так Антуан переживает множество совершенно непривычных ощущений.

Вот подтяжки Адольфа, которые «застражили на полпути». Подтяжки эти «запнулись в своем незавершенном усилии» стать фиолетовыми. Или голос Негритянки. «Как странно, как трогательно, что эта твердыня так хрупка. Ничто не властно ее прервать, и все может ее разрушить».

Болезнь Антуана началась с того, что мир, привычный и обыденный, где правят законы, и который находится в движении, развитии, вдруг предстает как нечто новое, как данность. Антуан узнал, что «все на свете является только тем, чем оно кажется, а за ним... ничего». То, что окружало Антуана, открылось ему только как вот это, как «быть здесь». Этот, новый для Антуана, мир – мир без необходимости и мир беспричинный. Мир как «беспорядочные массы – голые бесстыдной и жуткой наготой». Каждая частичка этого мира-данности предстала как абсурдная и лишняя, потому что у нее нет «никаких оснований находиться здесь». И это касается не только вещей. Самое страшное для Антуана, что и он сам «тоже был лишним».

Узнав о данности, увидев ее, Антуан Рокантен не узнал о круговороте свободы, но смог его предчувствовать. Так, ему стало казаться, что существование предметов «поставлено под вопрос, и им стоит величайшего труда дотянуть до следующего мгновения». В подобном положении случиться «может все, что угодно, все что угодно может произойти». И тогда мать увидит, как щека ее сына «припухла, треснула, приоткрылась и из трещины выглядывает третий глаз». Или человек вдруг обнаружит, что вместо языка у него огромная сороконожка, которая «сучит лапками, царапая ему небо». «Или ничего этого не случится, никаких явных изменений не произойдет, но люди проснутся однажды утром и, открыв ставни, удивятся какому-то жуткому смыслу, который внедрился в вещи и чего-то ждет».

Осознание этого толкает Антуана к поиску проявлений свободы, он старается угадать ее. Теперь сиденье в трамвае это уже не сиденье, а «издохший осел», темная линия – это улыбка. Но человек не может ухватить свободу, указать, где и как она проявляется. И это порождает болезнь свободой. «Когда это до тебя доходит, тебя начинает мутить и все плывет...».

Так приходит Тошнота.

5

Антуан не понимал того, чем он болен, какая болезнь уничтожала все привычное, ничем его не заменяя, болезнь, которая вызывала Тошноту. Но, не понимая этого Антуан, пытался найти лекарство, хотел выздороветь, избавиться от Тошноты. Ему нужно было найти нечто прочное, что-то постоянное. Как он сам служил для Анни «дорожным столбом», который невозмутимо сообщал, что «до Мелена двадцать семь километров, а до Монтаржен сорок два», так и ему, Антуану Рокантену, необходимо было найти опору, точку отсчета, свою систему координат.

И он нашел такую опору.

Антуан мог воспользоваться средством, которым так легко обманываются люди – Опыт. Опыт, спрессованный в традиции и законы, что может быть лучшей опорой и руководством?!

Хранителем опыта являлись люди, во всех отношениях достойные, те, кто «не умер холостяком... не умер бездетным, не оставив завещания, не приняв последнего причастия». Иными словам, люди, как принято говорить, состоявшиеся.

Здесь и коммерсант Паком, который «всегда выполнял свой долг, каждый свой долг». Был и Реми Парротен, профессор, врач, любивший «принимать духовные роды», то есть наставлять молодых студентов. Его брат Жан Парротен, представлявший «Право в Чистом

Виде». Или еще Гюстав Эмпетраз, который освободил людей от задачи «защищать священные взгляды... унаследованные ими от отцов». Эти взгляды, основу жизни людей, теперь защищал он.

Среди всех этих людей, которые воистину «наша гордость и оправдание нашего бытия», Антуана «начало всерьез смущать» его существование. Но Антуан не решился воспользоваться Опытом, ведь он знал, что «существование этих людей так же беспричинно, как и существование остальных... они лишние».

Но был и другой способ избавиться от Тошноты. Нужно получить привязку к месту, к роду, какой-либо ярлык. Правда, Антуан «не был ни дедом, ни отцом, ни даже супругом». Но на этом ведь ничего еще не кончается. Остается последнее: «я всего-навсего старый псих». Это может принести успокоение, но ведь так просто, «поймав» себя в категории и очертив границы, от Тошноты не избавиться. Да и то, что поначалу представляется психическим расстройством, есть при ближайшем рассмотрении страх. А страх нечто столь неопределенное, что Тошнота может только усилиться...

6

Закончил Антуан Рокантен бесславно. Он решил, что можно хоть как-то оправдать свою жизнь с помощью других. Стоит только оставить после себя пару добротных рассказов, стоит только, чтобы кто-либо подумал о нем, Антуане, подумал как об авторе, стоит только этому случиться, и он спасен. Тогда его жизнь получит обратный ход, сама превратится в рассказ. «И в прошлом – только в прошлом – я смогу помириться с собой»...

Свобода, став болезнью, охватывает человека, разрушает его, лишая прошлого, настоящего и будущего. Болезнь свободой нельзя вылечить. Бесплезны все средства, любые доводы разума, апелляция к очевидному.

Разум, сам всего лишь частичка данности, вопрошает о данности и проклиная свободу. Границы, поставленные для данности, разум переносит на свободу. Ему кажется, что свобода должна творить, должна созидать данность. Но свободе нет дела до фантазий разума. Свобода ставит вопрос об этом мире, о данности, о том, что есть, и ответ берет из данности. Свобода вопрошает, и свобода дает ответ. Пусть будет лишь одна частичка данности. Свобода изымет ее в поливариантность. И свобода вернет частичку в данность, пусть это будет все та же частичка.

Но разум не мирится с этим, он хочет связать свободу, ограничить ее. И это у него не получается. Итогом такой попытки разума является воспаленность сознания. Такая воспаленность сознания есть лучший признак болезни. Болезни свободой.

Лето 2008 г.

Учение о данности. Антигуманизм

*Я узнал о существовании все, что мог узнать.
Антуан Рокантен*

Антуану открылся мир как данность. В этом мире нет причин и следствий. Одно не обуславливает другое, не определяет и не предопределяет. Необходимости, как того, что непременно произойдет, что нельзя отворотить, и чему нужно подчиниться. Необходимости как общеобязательности, независимой ни от чего, в данности нет.

И в таком мире каждая вещь предстает как лишняя. Лишняя в отношении других вещей, в отношении прошлого и будущего. Вещь стоит вне связей, вне целесообразности. Ничто ни для чего не создано. Вода не для того, чтобы пить, воздух не для того, чтобы дышать. Лишняя вещь – это разрыв целостности мироздания, утверждение бессмысленности и ненужности.

И если посмотреть на такой мир со стороны, можно открыть его абсурдность. Друг другу ненужные вещи, ни откуда не пришедшие, ни к чему не стремящиеся, ничему не служащие. Вещи, бегущие от других вещей, от обусловленности и зависимости. Мир, не требующий объяснений и доказательств, проживший бессмысленную историю, этот мир-данность есть абсурд и как абсурд он не интересен.

Данность есть беспричинность и отсутствие необходимости, есть лишнее и абсурдное. В эти четырех словах вся суть открытия мира, которое сделал Антуан. И он выразил это предельно четко и просто: «существовать – это быть здесь, только и всего». Для человека, которому такое открылось, мир предстает как «беспорядочные массы – голые бесстыдной и жуткой наготой». Все, чем пытались прикрыть мир ученые от физиков до философов, писатели и пророки, оказывается совершенно ненужным и мешающим.

Казалось бы, что страшного в этом? Ничего, если бы мир как данность не уничтожил самого ценного для любого человека – права на существование. «Жалкая ложь – ни у кого никакого права нет; существование... людей так же беспричинно, как и существование всех остальных, им не удастся перестать чувствовать себя лишними». Право в Чистом Виде может их спасти, но и оно оказывается только лишь данностью. А раз так, что может быть ценного в человеке и гуманизме? «Чего вы добились вашей наукой? Чего вы добились вашим гуманизмом? Где твое достоинство, мыслящий тростник?». Человек, лишенный права на существование, это уже не субъект, которому противостоит мир как объект, человек не мера всех вещей, он всего лишь вещь, такая же, как любая другая в данности. И когда Антуан говорит, что и он «тоже лишний», это есть приговор человечеству, это есть антигуманизм.

Этот антигуманизм, бросающий вызов привычным, опытом данным ценностям, разрушающий отношения между людьми, выводящий других людей за пределы осмысленности, действительно может испугать. Антигуманизм есть то, на чем любая теория проверяется и получает право на всеобщее признание. Все, что соответствует гуманизму, признается, все, что ему противно – нет.

Гуманизм означает не только предание ценности жизни и личности человека, но и преклонение перед разумом, а значит перед причинно-следственными связями, необходимостью, целесообразностью и осмысленностью. То есть перед тем, что учение о данности отвергает. В этом месте они сталкиваются, именно в вопросе, что выбрать, происходит разделение на тех, кто за гуманизм и человека, и кто против гуманизма и, следовательно, против человека. И это же есть спор о том, кто за данность, за бессмысленность, и кто за упорядоченность, за цельность мира.

Антуан Рокантен лишь на мгновение принял сторону данности, лишь несколько дней существовал, а затем отверг то, что ему открылось.

Лето 2008 г.

Всеобщая декларация прав человека: опыт антигуманистической критики

Опыт антигуманистической критики Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) есть попытка показать, на чем основано сознание людей, что как стержень держит мысль, независимо от того, формы каких философских и иных систем эта мысль приобретает.

В самом своем основании человек и науки о нем держатся на прочном фундаменте представлений, которые нужно характеризовать так: человек – субъект, он субъектен. Из этого развитие получает все: и искусство, и мораль, религии и политические воззрения.

Субъектность есть утверждение человека, предпосылка вопросов о человеке и мире его окружающем. Сколько было придумано и написано в связи с этим, говорить не приходится. Но как цветы в поле, будучи различны, от одной земли питаются, так и эти системы и взгляды суть одно.

Субъектность есть Право в Чистом Виде. Это Право на существование, право на противопоставленность человеку мира (объекта), право искать и обретать смысл, право укорениться в обществе.

И это Право в Чистом Виде закреплено и поднято на всеобщую высоту в ВДПЧ.

1

Мир есть данность.

Данность нельзя объяснить или описать, можно лишь указать. В данности нет причин и следствий, нет необходимости, и все предстает лишним.

Категории эти потребовали бы подробного разъяснения и толкования. Но так ли это важно?

Вера в слова и их способность связывать людей, объединять единым пониманием – вера старая и никуда не годная. Какими бы не были слова, главным для человека останется его восприятие, ни от чего не зависящее. Поэтому и неправильно искать в словах объяснения. Как кто поймет, так и есть.

Можно, конечно, нарисовать образы. Камень падает совсем не потому что есть закон тяготения; и совсем не обязательно, чтобы камень падал; и камень совершенно не нужен, пускай он и будет опорой. Эти образы не о многом говорят. Но разве в том задача, чтобы о многом говорить?

Данность есть и другое. Данность означает «быть здесь, только и всего». Поэтому-то можно указать, но не объяснить данность.

Ничего не изменяется в данности. Движения нет, как нет предпосылок. Нет вчера и сегодня, нет завтра. Нет предыдущего, как и последующего. Все только здесь, но от того, что здесь ничего не зависит.

Человек тоже данность. Не более и не менее. Он не субъект и для него нет объекта. Он не выше и не ниже. Прав у человека не более чем у всего остального.

Человек живет опытом, тем, что знает или чувствует. Он живет Правом. И первый принцип Права: быть. Человек по Праву есть замкнутое, ограниченное существо. Границы ему – тело, да еще душа, сознание. Более просто – основа Права – утверждение: «Я». Вокруг этого обрастает разум и воля и все остальное.

Но человек лишь данность, и как данность он лишний...

2

Человек есть целое и единое. Он наделен «разумом и совестью» (ст. 1). В отношении этого человека Право в Чистом Виде гласит, что он имеет право «на свободу мысли, совести и религии» (ст. 18), «на свободу убеждений и свободное выражение их» (ст. 19). Человек имеет право «на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья его самого и его семьи» (ч. 1 ст. 25).

Все это есть субъектность человека. Представление о значимости его. Человек, признанный разумным, получает право думать и говорить, что хочет. При этом обладая свободой. Поэтому-то любой бред человека предстает как священное достижение его великого ума. Поэтому-то фальшивые представления, обряжающие мир многочисленными связями и закономерностями, подыскивающие основания под каждое событие, получают защиту Права.

Но человек есть лишь данность. И как данность он такая же вещь, лишенная защиты временем и пространством, законами причинно-следственных связей, необходимости. Человек столь же лишний, как и камень.

Данность есть разрыв. Разрыв любых связей и целостности, всякого единства. Все, чем разум связал этот мир, все те системы координат, кои он выстроил, должны быть разрушены. И они разрушаются данностью. И человек, разум его ничего поделать не могут.

Свобода человека есть обман, как обман – воля. Свобода мыслима в цельном мире, где каждая часть подгоняется под остальные. Свободно бросить камень может тот, кто уверен в связи камня с землей, в наличии законов для этого камня. Свобода есть наибольший обман, поэтому-то под ее лозунгом совершаются наихудшие преступления. Как нет субъектности человека, так и нет его свободы.

Субъектный человек создает вокруг себя и для себя защитные бастионы. Право в Чистом Виде диктует, что люди «должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1), что «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию» (ст. 12). И чтобы обеспечить все это человек «имеет право владеть имуществом» (ст. 17).

Человек есть человек, осажженный своими «братьями». Поэтому-то он выискивает средства, чтобы защитить свою субъектность, бесценную, содержащую его великие преимущества – разум, совесть, свободу.

И если он сам не справляется, то в помощь ему – закон. Ведь «все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона» (ст. 7) Гарант этого – «эффективное восстановление в правах компетентными судами» (ст. 8).

Таков человек, и таким его творит общество. «Начальное образование должно быть обязательным» (ст. 26). Только так слепому от рождения можно открыть его предназначение быть человеком. Цель такого предназначения проста: иметь «обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» (ст. 29).

3

Как человек должен жить?

Вопрос излишний, ибо есть вопрос субъекта о субъектности. Пожалуй, разум может дать ответ на него. Но будет ли ответ этот стоить чего-либо?!

Бессмысленные вопросы и поиски ненужных ответов заполняют человеческую мудрость. Человек хочет научиться жить, и непременно в согласии с «разумом и совестью». В этом нет необходимости.

Одиночество есть начало и конец человека, как и всего иного в данности. Что еще можно сказать?!

Август 2008 г.

Одиночество

Одиночество есть фундаментальная категория данности. Есть ее, данности, положительная сторона.

Отрицательная известна. Беспричинность, отсутствие необходимости, лишность всех предметов-вещей. Мир предстает вне изменений, как только то, что «быть здесь». Движения в мире нет². Есть только обновление. Всегда новые сцены, но никогда – единая пьеса. Нет и развития, прогресса.

Человек в данности лишен субъектности, своего «Я». Разум, подчиняющий ли мир, исследующий ли его, предстает как частный случай лишности. Человек и разум тоже только данность. Вместе же с этим все категории и понятия, коими опутан человеческий мир, одеяния наук и религий, сила учений и идеологии, власть фактов и слабость необычного и фантастического – все это растворяется в данности, в том, что есть и иным быть не может.

Опыт есть спасение для человека. Голый и растерзанный, потерявший единство и цельность, осмысленность мир тяготил бы человека, если бы не прикрытие – Опыт. Опыт прошлого, опыт законов и морали. То, что укореняет человека, делает его нужным и необходимым, навешивает ярлык и загоняет в систему отношений, в общество.

Опыт есть уверенность. Есть надежда, что законы природы, морали, государства, будут работать, неизменно работать на благо того, что делает человека человеком. Опыт и есть осмысленность жизни.

Только с высот Опыта можно говорить и увещевать, приказывать и объяснять. Опытом можно оправдываться или оправдать. Опыт есть судья, именем его же наказываются слабые, караются сильные.

Одиночество же есть нечто противное Опыту. Мир, лишенный Связи, непонятный, предстающий как «беспорядочные массы» – этот мир Одинок, ничего не знает, ни в чем не уверен.

Разрыв есть сущность Одиночества. Связь есть сущность Опыта и есть зависимость и превращение. Прислуживают Связи причины и следствия, необходимость и целесообразность, Божья воля. Но Связи, окутывающие мир, распадаются. Привычное единство теряется. Целесообразность исчезает. И это есть Разрыв.

В мире, являющемся как Разрыв, появляется Одиночество.

Лето 2008 г.

² Это одно из тех положений, с которым я не могу сейчас согласиться. Движение – это также данность.

Часть II. Философия Льва Шестова

Раздел I. Манифест очевидности

Манифест очевидности

Ты, разум, создал основания, ты разрушил данность, чтобы собрать мир возможного и невозможного, ты дал человеку успокоенность, наделив его жадной поиском согласованности и установления необходимости.

Ты, разум, взял человека, когда он только покинул утробу матери, ты нашел человека, испугавшегося данности, и превратил в человека разумного. Ты сделал человека своим рабом.

Ты, разум, взял данность и превратил в мир возможного и невозможного, где у всего есть основания, мир, перед которым человек не испытывает страха. Ты подчинил данность себе, ты сделал ее своей рабыней.

Ты, разум, изобрел основания, ты изобрел и еще много чего, но основания – это твой титул на владение, основание – это твое право подчинить человека и средство завладеть данностью.

Ты, разум, придумал, что данность должна быть согласована, что к каждой частичке данности должна быть подобрана другая, что между такими частичками должна быть связь, которую ты назвал обязательной. Ты придумал согласованность и необходимость, что каждое есть посредством другого.

Ты, разум, взял в рабство человека и данность, ты сыграл на слабости человека и его страхе, ты подменил данность миром возможного и невозможного, а человека обрек на поиск оснований.

Ты, разум, должен быть превзойден, человек должен перерасти тебя и вновь вернуться к данности.

Ты, человек, явившись на свет, был испуган данностью, ты не мог выдержать страха перед неизвестным, ты хотел подчинить данность, дабы не страшиться ее. И ты пришел к разуму.

Ты, человек, принял данность как мир возможного и невозможного, как мир, полный оснований.

Ты, человек, должен избавиться от ига разума, должен сбросить оковы оснований и вернуться к данности. Ты выбрал неверный путь, ты стал соучастником порабощения данности, ты испугался. Но ты должен вернуться к данности и принять данность.

Ты, человек, чтобы вернуться к данности, должен пройти путь к очевидности, путь от удивления к отчаянию, только так ты можешь отказаться от своей рабской роли – поработать очевидность.

Ты, человек, должен удивиться миру, должен усомниться в его основаниях, должен искать согласованности и необходимости, должен искать другого, посредством которого есть каждое, но не должен доверять основаниям.

Ты, человек, должен отчаяться в основаниях, ведь ты не можешь их отыскать, хоть и ищешь со всем усердием, должен отказаться от оснований, должен увидеть, что невозможное возможно и возможное невозможно, что все одновременно возможно и невозможно, должен выйти за узкие рамки разума, отказать разуму в доверии.

Ты, человек, должен презирать разум, который обманывал тебя своими основаниями, ты должен поставить разум перед одновременно возможным и невозможным.

Ты, человек, должен вынудить разум отступить перед одинаково возможным и невозможным и тогда тебе откроется очевидность, тогда ты станешь неведающим³, вернешься к данности и примешь ее!

Ты, очевидность, есть предстоящая перед неведающим человеком данность, только и всего. Человек принимает тебя и обретает веру⁴. Страх, загнавший человека в рабство к разуму, уступает вере.

Ты, очевидность, есть данность, лишенная согласованности и необходимости, есть данность без оснований, в тебе каждое не есть посредством другого.

Ты, очевидность, не знаешь порождения каждого от другого, в тебе каждое не служит другому, не совершается ради другого, а другое не оправдывает каждое, каждое в тебе не нуждается в другом, как и другое в каждом.

Ты, очевидность, только дана, только данность, о которой нельзя сказать большего.

Ты – очевидность, и человек принимает тебя, человек верит в тебя!

Ноябрь 2010 г.

Первое эссе

*Задача писателя: идти вперед
и делиться с читателями своими новыми впечатлениями.
Л. Шестов «Апофеоз беспочвенности»*

1

Закон достаточного основания. Шопенгауэр свою раннюю работу посвятил закону достаточного основания, который в формулировке Вольфа гласит: «Ничто не существует без основания того, почему оно есть». Или, как уточняет Шопенгауэр: «Общий смысл закона достаточного основания сводится к тому, что всегда и повсюду каждое есть лишь посредством другого».

Артур Шопенгауэр выделяет четыре формы закона или, что он считает одним и тем же, необходимости: «1) логическая, по закону основания познания, в силу которой, если допущены посылки, должно быть обязательно признано заключение. 2) Физическая, по закону каузальности, в силу которой, как только дана причина, действие не может не произойти. 3) Математическая, по закону основания бытия, в силу которой каждое отношение, выраженное правильной геометрической теоремой, таково, как оно его выражает, и каждое правильное вычисление остается неопровержимым. 4) Моральная, в силу которой каждый человек, как и животное, должно при наличии мотива совершить то действие, которое соответствует его врожденному и неизменному характеру». Закон достаточного основания философом наделяется самыми лестными характеристиками: «главное основоположение всего познания», «он сам есть в себе и для себя, возвышаясь над богами и судьбой», «есть принцип всякого объяснения»⁵. При этом закон достаточного основания, требуя для всего в мире оснований, доказан быть не может.

³ «Неведающий», «неразумный» не стоит понимать так, что речь идет о глупом, необразованном человеке. В этом случае имеется в виду нечто совершенно иное. «Неведующий» – означает, что человек не принимает оснований, смотрит на данность, но не превращает данность в действительность.

⁴ Как и в прим. 2 не надо понимать веру, как веру религиозную. Вера в данном случае означает, что человек принимает действительность без оснований.

⁵ Эти эпитеты не столько отражают отношение самого Шопенгауэра к закону достаточного основания, сколько представление о законе, сложившееся в философии в частности и в науке в целом.

Ведь, как пишет Шопенгауэр, «сам закон достаточного основания... не допускает дальнейших объяснений, ибо нет принципа, который мог бы объяснить принцип всякого объяснения».

С помощью закона достаточного основания мир предстает через необходимость и согласованность как обязательная связь между отдельными осколками данности, подобранными по принципу «каждое есть лишь посредством другого». В этом заключается основание мира как его понимали раньше и как понимают сейчас.

2

Только верю: философия Л. Шестова. Лев Шестов пишет, что человек, «прежде чем сдвинуться с места, озирается вокруг себя, спрашивает, опасается: он вперед хочет знать, куда придет». Человек привык жить с оглядкой на разум и его истины. Осветить мир светом разума, значит сделать мир приемлемым для жизни. Можно было бы жить среди людей, готовых каждый час изменять свою точку зрения на природу вещей? Нельзя, как и нельзя жить в мире, в котором камни сегодня падают, а завтра начинают летать. Поэтому-то установив истину, обретя ведение, человек получает гарантию не только в неизменности окружающего мира, или что мир будет изменяться в известном направлении, но и в прочности мировоззрения других людей.

Истина приобретается с помощью разума, который подводит под данность основания, используя необходимость и согласованность. Ведь, как пишет Шестов, человек создает «вокруг себя атмосферу согласованности», в которой «над всем царствует необходимость». И только так человек может принять окружающую его действительность – как предстающий перед ведением мир возможного и невозможного, держащийся основаниями.

Разуму с его законом достаточного основания Шестов противопоставляет веру, которая достигается на пути от удивления через отчаяние к очевидности.

Удивление – есть состояние, когда человек сомневается в основаниях, когда требуется ответить, почему и для чего камни падают на землю, отчего бы им не взлететь. При этом «нужно, чтобы сомнение стало постоянной творческой силой, пропитало бы собой самое существо нашей жизни».

Для человека привычно задавать вопросы, искать ответы. Но удивление как первый этап на пути к очевидности, отлично от привычных вопросов и ответов тем, что касается буквально всего, что человека окружает. И, в то же время, требуя ответов, удивленный человек по поводу каждого основания продолжает ставить вопросы и искать более глубокие основания, ни с одним из них не соглашаясь и не доверяя разуму. Удивленный человек ощущает, «что даже там, где все... представляется ясным и понятным, все необычайно загадочно и таинственно».

Отчаяние является результатом того, что человек, удрученный бесполезностью поисков оснований, признает как полную свою неспособность к такому отысканию, так и отсутствие предмета поиска. И именно первое и второе. Не так чтобы мир был непостижимым или, хоть и постижимым, но не для человека. Нет, мир это прозрачное стекло, через которое человек смотрит со всей остротой зрения и не обнаруживает его оснований. И, как раньше полагали, что земля держится на трех китах, а затем от этого отказались, так и теперь, отчаявшийся человек отказывается от оснований, как от фундамента, несущего конструкцию мира.

«Повседневный опыт показывает, что если кислород соединить в известных пропорциях с водородом, то получается вода, а если с азотом – воздух. Но ведь это явно не возможная вещь. С чего это вдруг из кислорода и водорода быть воде? Почему кислород не остается себе кислородом, а водород – водородом? Все тут совершенно произвольно, ни на чем не основано, и, стало быть, по существу совершенно невозможно».

Здесь кроется парадокс. Если возможно, значит невозможно, то есть возможно как действительность, но невозможно как действительность, лишенная оснований, не защищенная необходимостью и согласованностью.

Уже от этого Лев Исаакович приходит к тому, что не только возможное невозможно, но и невозможное возможно. Шестов говорит, что «...только одно утверждение имеет и может иметь объективное значение: в мире нет ничего невозможного». То есть нет ничего невозможного, но ставшее возможным является и невозможным, поскольку не имеет оснований. Из этих двух утверждений рождается третье: «все одинаково возможно и невозможно».

Шестов приводит различные примеры одинаково возможного и невозможного. Так, он пишет, что есть «...все основания думать, что хотя до сих пор камни падали, но в один прекрасный день они начнут летать» или «...из того что было, решительно нельзя заключать о том, что будет». Все это позволяет философу утверждать, что «мы в своем уме и в своем опыте не находим решительно ничего, что бы давало нам основание хоть сколько-нибудь ограничивать произвол в природе. Если бы действительность была иной, чем теперь, она бы от того не стала нам казаться менее естественной». В другом месте Шестов пишет, что «все что угодно может произойти из всего что угодно».

С помощью парадокса, что все одинаково возможно и невозможно, преодолевается состояние, которое Шестов описывает словами «дерево познания навсегда заслонило от человека дерево жизни», и это есть последнее препятствие на пути от разума к вере. Достигается это потому, что разум становится бессильным перед таким парадоксом и ему приходится уступить. Человек, сбросивший груз навязываемых разумом оснований, обретает неведение, перед которым рушится мир возможного и невозможного, освобождая место очевидности.

Шестов в последних своих работах большое внимание уделял сказанию об изгнании человека из рая. Пребывание человека в раю означало отсутствие истин разума в мире. Мир был лишен лжи, принесенной разумом. Сорвав плод с дерева познания, человек согрешил и, первым делом, в том, что привнес в свободную от необходимости и согласованности очевидность истины разума, став зависимым «от всего понятного, связывающего, объясняющего». Путь, который описывает Шестов, от истин разума к истинам веры, на котором требуется отказаться от оснований, путь, на котором встречается одинаково возможное и невозможное – это есть путь преодоления греха, путь отказа от плодов познания ради плодов жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.